

...ей в приданое дано
было зеркальце одно.
Свойство зеркальце имело:
говорить оно умело.

А. С. Пушкин

Глава 1

Судьба — дама капризная. Она то сгибает в бараний рог, то расточает улыбки и осыпает милостями, которых уже не ждешь. Трудно предсказать ее следующий шаг...

Осенняя ночь в Москве — не самое лучшее время и место для того, чтобы испытывать судьбу. Но люди пренебрегают вековыми традициями, превращают в забавы древние обычаи, искушают неведомые силы... с которыми шутки плохи.

Женщина беспокойно оглянулась, плотнее запахнула длинный плащ, под которым скрывался наряд *Офелии*, — будто она очень торопилась и вышла из театра, не переодевшись, прямо в сценическом костюме.

Она шла по улице, отворачиваясь от промозглого ветра, уже жалея о том, что приехала в Москву. Ночной город пугал ее пустотой переулков, гулким эхом в подземных переходах, холодными огнями и низко нависшим беззвездным небом.

Навстречу попалась компания подвыпившей молодежи — развязные, разгоряченные спиртным парни и густо накрашенные девицы. Они громко, вызывающе хохотали и отпускали непристойные шутки в ад-

рес прохожих. *Офелия* проскользнула мимо, молясь, чтобы ее не заметили.

На улице появились *вампиры, русалки, лешие* и прочая *нечисть*. От их недвусмысленных заигрываний *Офелию* бросило в дрожь. Она хотела свернуть в проходной двор, но *вурдалаки* и *утопленницы* обступили ее со всех сторон.

— Давайте бросим ее в реку, — предложила иссиня-бледная девушка с распущенными волосами и черным ртом. — Водяной царь соскучился по свежатинке.

Цепкие руки схватили *Офелию*, сорвали с нее плащ. Она закричала... Из темноты вынырнула огромная черная птица... или ей померещилось со страху? У птицы был длинный загнутый клюв, но заговорила она человеческим голосом:

— Это моя добыча! Убирайтесь прочь!

Нечисть кинулась врассыпную, оставив полураздетую жертву на ледяном ветру.

— Как твое имя?

— *О-офелия...* — заикаясь, вымолвила женщина.

— Харрр... харрр... харрр... — смех птицы напоминал раскатыстое карканье. — Не бойся! Нельзя утопить того, кто уже мертв. Ты давно утонула, не правда ли? Принц Гамлет не стоил твоей любви... красавица! Пора сделать более достойный выбор. — Птица взмахнула крылом и... протянула женщине согнутую в локте руку. — Обопрись на меня, *ундина*. Нас ждет *гостеприимство благородной Головы*.

У *Офелии* зуб на зуб не попадал от страха и холода. Ночь *ужасов* обещала невероятные приключения и встречи. И не обманула.

Черная Птица увлекла *Офелию* за собой, в толпу *привидений* и *окровавленных мертвецов*. Мелькали пустые глазницы, черепа, скелеты, зияющие раны и высунутые языки. Женщина ахнула, когда лицом к лицу

столкнулась с *повешенным*, у которого на шее была за-
тянута веревка, а глаза вылезли из орбит...

— Хочешь поносить мой галстук? — отвратитель-
но захохотал он. — Бери, не стесняйся!

Она отпрянула, но *повешенный* ловко снял с себя
петлю и набросил на нее.

— Ты ведь за этим сюда пришла? Хэллоуин —
праздник мертвых, девушка.

Черная Птица потянула ее в сторону, к лестнице,
ведущей вниз...

— Куда мы идем? — испугалась она.

— В преисподнюю... на пиршество...

Спускаясь по бесчисленным ступеням, *Офелия*
заметила, что омерзительная веревка все еще болтает-
ся у нее на шее...

— Это ночь пророчеств! — прокаркала Птица. —
Не оглядывайся, когда спускаешься в потусторонний
мир. Плохая примета. Харрр! Харрр! Харрр...

Москва. Год спустя

Теплая осень, не скупясь, осыпала Москву золо-
том. Дворники не успевали подметать тротуары. На
клумбах отцветали хризантемы и астры; солнце сади-
лось все раньше, и на город опускались свежие лило-
вые сумерки. По утрам воздух был прозрачным, как
слеза, в его безветрии с тихим шелестом облетала с
деревьев желтая и красная листва.

Госпожа Ельцова сидела на открытой веранде ка-
фе, любуясь яркими красками сентября. Пахло мок-
рой землей и ягодами рябины, раздавленными нога-
ми прохожих; со школьного двора тянуло дымком —
там жгли листья и ветки. Костер плохо разгорался.

«Хорошо, что мне уже двадцать восемь и школь-
ные годы остались далеко позади», — подумала моло-
дая женщина.

Училась она старательно, только в выпускном классе разленилась, потеряла интерес к предметам, забросила учебники и с бесшабашным пылом юности предалась любви. Первый роман затянулся дольше, чем рассчитывали оба, и она, и он — одноклассник Захар Иваницын по прозвищу Зах. Парнем он был видным, девчонки на него заглядывались и тайно вздыхали: это продолжалось до сих пор, но Зах ни на кого не обращал внимания. И сейчас Ельцова решила наконец выйти за него замуж.

В детстве она очень гордилась, что родители называли ее Астри — словно осенний цветок. Хотя отец как-то объяснил: *астра* — по-гречески означает «звезда». Он смолоду увлекался астрономией, мечтал жить в горах, рядом с обсерваторией, наблюдать за звездным небом. Романтика прошла, как юношеская болезнь, Юрий Тимофеевич стал заниматься делом куда более прозаическим: страхованием имущества граждан. Он быстро поднимался по служебной лестнице, потом основал собственную компанию и пошел в гору. Параллельно Ельцов развивал посредническую деятельность, которая тоже приносила дивиденды. То ли ему везло, то ли он обладал недюжинным умом и вовремя ухитрялся делать нужные шаги, но его фирма «Юстина» процветала, а прибыли росли, как на дрожжах. Семь лет назад Ельцовы переселились в роскошный загородный дом, мать Астры ушла с должности главного бухгалтера и посвятила себя домашнему хозяйству, а сама Астри, выучившись актерскому мастерству, не стала обивать пороги столичных театров — ей пришлось по душе праздное существование, обеспеченное деньгами отца. Она встречалась с Захом, их отношения давно стали интимными, но на заключении законного брака настаивал именно он.

Иваницын работал в «Юстине» главным менеджером, Юрий Тимофеевич был доволен будущим зятем и ничего не имел против свадьбы. Скорее наоборот.

— Вам следует пожениться и жить семьей, — говорил он дочери. — Ты уже не девочка, Ася, пора бы и ребеночком обзавестись. Вон мать от скуки изнывает — а так бы внука нянчила. Работать ты не хочешь, хотя бы хозяйством займись, детьми. Не то с ума сойдешь от безделья!

Астра согласилась с его доводами. Зах был красив, общителен, иногда остроумен — умел блеснуть в обществе удачной шуткой, со вкусом одевался и год за годом неустанно твердил Астре о своей любви. Она ему верила.

Астра по-прежнему дружила с Мариной Степновой, которая была ее соседкой по парте и наперсницей девичьих откровений. Лучшая подруга окончила медицинский и работала стоматологом в частной клинике. Вчера вечером она позвонила и пригласила Астру в кафе.

— Устроим «чай вдвоем». Я слышала, ты замуж выходишь за Иваницына?

— Этим должно было закончиться.

— Вас всегда считали женихом и невестой, — усмехнулась Марина.

На столик прямо перед Астрой упал желтый листок. Еще пара недель, и обманчиво ласковая осень начнет безжалостно срывать с деревьев роскошный наряд — сегодня ими можно любоваться, а завтра они будут стоять голыми под холодным дождем.

— Привет! — Марина, как всегда, выглядела великолепно: рыжие волосы модно подстрижены; лицо покрыто тональным кремом, скрывающим веснушки; стройная фигура обтянута брючным костюмом зеленого цвета, а длинный шарф более светлого оттенка удивительно идет к ее зеленым глазам. — Прости, опоздала!

— Как тебе удастся так потрясающе одеваться? — вздохнула подруга. — И волосы у тебя лежат, как по-

сле укладки. Я вот хожу в элитный салон, а на голове черт знает что!

— Стараюсь. У меня ведь нет богатого папеньки, приходится крутиться на собственную зарплату.

Злая ирония в ее словах насторожила Астру — ни разу за эти годы она не замечала, чтобы Марина ей завидовала.

— Ты не в духе? Что-то случилось?

— Ну, да...

— Ой, Рыжая, давай выкладывай! Может, я смогу помочь?

— Ты? Вообще-то... почему бы и нет? Конечно, можешь...

— Тебе деньги нужны?

— Понимаешь, подруга... я... ребенка жду.

Между ними со школьной скамьи не было секретов, и пораженная Астра ахнула. Как?! Маринка беременна, и ни разу не обмолвилась о том, что у нее появился мужчина? Кто он? Почему она его скрывает?

— А ты... не ошибаешься? Вдруг просто задержка?

Марина уверенно качнула головой:

— Я же медик! Уже двенадцать недель.

Астра невольно посмотрела на ее плоский живот — не похоже.

— Пока не видно, — объяснила Марина. — Зато постоянно тошнит, и рвота по утрам. Ужас!

Астра хотела спросить, кто же виновник столь радостного или печального события — это уж кто как воспринимает будущее материнство, — но вместо этого сказала совсем другое:

— Решила рожать или?..

— Хотелось бы родить. Я уже два аборта сделала, после третьего детей может не быть вовсе. Так что... возможно, это мой последний шанс.

«Два аборта? — еще больше удивилась Астра. — От кого? Почему она молчала?»

— Понимаешь... — продолжала подруга. — Все от тебя зависит. Отдай мне Захара! Он тебя не любит. Ему нужны деньги твоего отца, фирма и... все такое. Мы с ним уже три года любовники! — выкрикнула она. — Он женится на тебе по расчету! Из-за денег, Аська! Ты же единственная дочь Ельцова, значит... все достанется тебе. То есть ему, Заху!

Слезы градом катились по щекам Марины, смывая краску и обнажая крупные веснушки на болезненно бледной коже.

Официантка в коротком накрахмаленном передничке посмотрела в их сторону.

Астра опешила — она не верила своим ушам. Маринка и Зах — любовники? Давно? Вот почему Рыжая тщательно хранила свой секрет! Они с Иваницыным... о боже!

— Рыжая... ты шутишь?

— Мне не до шуток! — та приложила руки к животу. — Если не веришь, спроси у Заха! Он отпираться не станет.

Астра поняла: подруга не лжет. Она ждет ребенка от Захара, а тот готовится к свадьбе... с другой. У Астры пересохло в горле — она, точно заведенная, придвинула к себе чашку с остывшим кофе, с трудом сделала глоток. Горько...

— Он знает о ребенке?

Марина подавленно кивнула:

— Да, я ему сказала... сразу после визита к гинекологу. Когда все сомнения отпали.

— И что?

— Он велел... идти делать аборт! А я не хочу.

— Правильно, — безучастно вымолвила Ельцова.

Ей казалось, они обе ломают комедию — фальшиво разыгрывают душещипательную сцену из театрального «капустника», так противоестественно выглядели их лица и жесты, так плоско звучали реплики.

— Ваша свадьба отменяется? — Маринка судорожно вздохнула. — Зачем тебе муж, который изменяет еще до брака? Притом с твоей же подругой! Слушай... я постоянно удивлялась, как он тебе в глаза смотрит?

Астра молчала. Любые выяснения отношений вдруг потеряли для нее смысл. Ясно одно — Зах, ее жених, школьный друг, неизменный ухажер и первый мужчина, оказался лживым, расчетливым и хладнокровным мерзавцем. А как романтично все начиналось! Как он стоял вечерами под ее окнами, носил охапками цветы с окрестных клумб, читал стихи! Каким робким был его первый поцелуй, как терпеливо он ждал ответных ласк и каким страстным он прикидывался в постели! Как им все завидовали! Видно, зависть людская — опасная штука. Она-то и сгубила их школьный роман.

— Эх, Маринка, Маринка... подружка моя задушевная! — с сердцем воскликнула Астра. — Хороша, ничего не скажешь! Ты ведь давно заглядывалась на Заха... исподтишка, мечтала отбить его у меня. Что ж, тебе это удалось. Ликуй!

— В любви — каждый за себя! — огрызнулась та.

Она была права, поэтому Астра не стала спорить, просто встала из-за стола и пошла прочь. Не прощаясь, не оглядываясь. «Любовь!» — думала она, ускоряя шаг. — Сплошное притворство, притом бездарное. Пустая и глупая забава. Никогда больше не попадусь на эту наживку!»

Глава 2

Камышин. Незадолго до описываемых событий

Иде Вильгельмовне Grimm не спалось — в такие утомительные ночи она, измучившись, садилась перед зеркалом в массивной бронзовой раме, зажигала

свечу и долго всматривалась в помутневшую от времени амальгаму: из золотистой мглы на нее взидала хорошо сохранившаяся худошавая шатенка с проблемными сединами в густых волосах, с глубоко запавшими глазами и орлиным носом. Ида Вильгельмовна называла свое отражение *Ади* — *то же имя, только наоборот*. Все в жизни имеет обратную сторону, скрытую от любопытных глаз. *Ади* существовала в мире зазеркалья и зачастую могла ответить на те вопросы, которые госпоже Гримм были не по зубам.

— Ну, что молчишь? — вопрошала своего зеркального двойника дама с орлиным профилем. — Долго нам еще ждать?

Зеркало досталось ей от матери, в замужестве баронессы Гримм, вместе с фамильными драгоценностями, дорогой раритетной мебелью и саксонским фарфором. Еще семь лет назад Ида Вильгельмовна проживала в Германии, в маленьком чистеньком городке на берегу Эльбы, и не помышляла о переезде в Россию. Однако пришлось.

Она приобрела небольшой, но комфортабельный дом в Подмосковье и поселилась в нем одна. От прежних хозяев к ней перешел сторож Тихон — молчаливый бородатый крепыш, который выполнял также обязанности дворника, занимался мелким ремонтом и прочими хозяйственными делами. Тихон жил тут же, в летней кухне, домой в поселок уходил раз или два в месяц на сутки: проверить, все ли в порядке. Семьи у него не было, никакой живности тоже — собаку и ту отдал соседям, поэтому работа на госпожу Гримм составляла весь его интерес и единственный источник дохода.

Увы, стирку, стирпню и уборку комнат Тихону не поручишь, да и разговаривать с ним было не о чем, потому вскоре у баронессы появилась компаньонка: собеседница, кухарка и горничная в одном лице. Мо-

лодую женщину звали Эльза. Возможно, госпоже Гримм понравилось ее имя, нетипичное для русских; возможно, сама девушка — высокогрудая, с тонкой талией и стройными ножками, голубоглазая, с красивым личиком, обрамленным светлыми волосами. Такое прелестное создание вполне могло появиться на свет в уважаемой немецкой семье. Удивительно, что Эльза родилась в захудалом поселке, затерянном среди елей и сосен, где зимой улицы тонули в снегу, а летом по дорогам бродили куры. Сады за некрашенными деревянными заборами заросли диким крыжовником и смородиной, яблоки и груши родились мелкие, кислые и твердые. Живописное озерцо, куда спускались огороды, обмелело, покрылось ряской; по его берегу зеленел камыш. Одиноким рыболовам скучали, забросив удочки с черных мостков, — не ожидая улова, а просто убивая время. Мужики, которые не уехали в райцентр или в столицу на заработки, беспробудно пили, дымили дешевыми сигаретами, часто и громко ругались, случались и драки. Постепенно спивались и женщины — на их одутловатые, синие лица было особенно страшно смотреть.

Какая-то строительная фирма взялась было возводить на окраине поселка коттеджи европейского типа, но вскоре благое начинание захлебнулось — то ли деньги кончились, то ли здешние места не приглянулись состоятельной публике. Дома покупали вяло, неохотно, и фирма ограничилась одним рядом строений, не проложив даже хорошей асфальтированной дороги от трассы до Озерной улицы. Вообще в поселке преобладали водно-растительные названия, — переулки Садовый и Березовый; улица Заречная, хотя «река» представляла собой журчащий на дне оврага мутный ручей; улица Прудки, проезд Чистый Ключ. Странно...

Сам поселок назывался Камышин, железнодорожной станции здесь не было, только автобусное со-

общение, разбитые дороги, весной и осенью повсюду непролазная грязь, зимой снежные заносы... Глушь глушь. Даже летом в Камышин почти не приезжали вездесущие дачники, не снимали у местных жителей комнат, не привозили на парное молоко и свежие ягоды бледных городских детей.

Ида Вильгельмовна неспроста выбрала сие тихое местечко: при ее образе жизни Камышин был идеальным вариантом. Тут малоллюдно, спокойно, сама она остается в тени, зато у нее все на виду.

Эльза напоминала ей благовоспитанную бюргерскую дочку, хотя те и в талии пошире, и в работе проворней. Впрочем, последний недостаток поправим. Главное — девушка старается, из кожи вон лезет, чтобы понравиться хозяйке. Баронесса легко угадала ее незатейливые мечты: если фрау Grimm будет ею довольна, то заберет белокурую горничную с собой в Германию. Глупышка! Совсем ничего не понимает.

Эльза не спрашивала, с какой целью эта немка приехала в Россию, сколько здесь пробудет и почему решила обосноваться именно в Камышине, — она побаивалась строгой и замкнутой хозяйки. От ее пронизывающего взгляда девушку пробирал озноб. С другой стороны, Ида Вильгельмовна была щедра, не придиралась по пустякам и терпеливо объясняла, что требуется от Эльзы. Когда компаньонка задерживалась допоздна, ей разрешалось ночевать в гостевой комнате. Постепенно девушка привыкла к баронессе, все реже отлучалась по своим делам и уже не представляла себе иной жизни.

— Не надоело батрачить на заграничную богачку? — возмущались знакомые и родня Эльзы. — Что она забыла в глухом Камышине? Не иначе как шпионка или... наркодилерша! Эта твоя фрау или подпольно распространяет какую-нибудь отраву, или людьми торгует!

— Чего вы на нее взъелись? Она хоть в душу не лезет и платит исправно, — огрызнулась девушка.

Но ей и самой не давал покоя вопрос, зачем баронесса из благополучной Германии прикатила в забытый богом поселок. Эльза украдкой пыталась следить за хозяйкой, но тщетно. Та, казалось, жила уединенно, никуда не выезжала; гости у нее появлялись крайне редко, в основном летом, и все — люди обеспеченные, на своих машинах. Они закрывались в кабинете Иды Вильгельмовны, вели долгие беседы, при этом говорили так тихо, что Эльза, как ни старалась, ничего не могла подслушать.

— Как тебе не противно быть прислугой? — не унимались доброжелатели. — Поезжай в Москву, поступай в институт, устраивай свою жизнь! Замуж там выйдешь: в столице-то женихи не чета нашим! Ты девка видная, пригожая, сразу парня себе найдешь. Это камышинские кавалеры через одного алкаши да бездельники, а в большом городе — большой выбор!

— На какие шиши ехать-то? Заработаю, тогда подумаю.

Перспектива переезда в Москву, учебы и выгодного замужества казалась расплывчатой. Не придется ли вместо этого стоять на рынке в любую погоду от темна до темна, торговать продуктами или шмотками, а потом, едва дыша от усталости, тащиться в снятую квартиру куда-нибудь в Митино или Братеево?

Что интересно, время, проводимое Эльзой у баронессы, не просто шло: летело стремительно. Годы мелькали, будто месяцы. Дождливими осенними вечерами Тихон растапливал в зале камин, и госпожа Grimm смотрела на огонь, неторопливо беседуя с Эльзой, а та ловила каждое слово. Эти беседы она заслужила прилежным трудом и покладистым, незлобивым характером. Баронесса сумела оценить положительные качества своей работницы и платила ей не

только деньгами. Разговоры у камина Эльза не променяла бы ни на что другое. Хозяйка разбудила в ней глубоко запрятанные, дремлющие до поры чувства, о которых молодая женщина и не подозревала. А может быть, госпожа Grimm заронила в ее душу искру *иного*, нездешнего огня. Этот огонь, исподволь разгораясь, начал заполнять собой примитивный внутренний мир Эльзы, а затем и пожирать его.

— По-твоему, она настоящая баронесса? — донимала Эльзу младшая сестренка. — Или это все враки?

Но баронесса оказалась не вымышленной, а вполне реальной. Как-то раз, интуитивно уловив вопрос, который вертелся на языке компаньонки, Ида Вильгельмовна удовлетворила ее жгучее любопытство — рассказала немного о своей жизни. Ее мать была родом из обедневших дворян с немецкими корнями, до войны жила в Риге, перебивалась уроками русского и немецкого. Кстати, именно благодаря матери госпожа Grimm хорошо говорила по-русски — та словно знала, что дочери пригодится этот язык. Когда в Ригу вступили немецкие войска, мама познакомилась со своим будущим мужем — бароном Гриммом, он полюбил ее и увез в Германию, к родственникам. Там, в маленьком ухоженном поместье на берегу Эльбы, она родила ему дочь Иду. Семейство Grimm сочло брак с девицей сомнительного происхождения неравным и всячески препятствовало законному воссоединению любовников. Только после поражения Гитлера и разгрома Германии барон женился на своей избраннице, и они прожили душа в душу долгие годы. Вот такая романтическая история!

— Значит, ни братьев, ни сестер у вас нет? — робко поинтересовалась Эльза.

Баронесса отрицательно покачала головой:

— Я — единственная дочь.

Дабы избежать кривотолков, Ида Вильгельмовна

намекнула, что в Россию ее привело желание проникнуться духом предков, которые преданно служили российским самодержцам. В Камышине же она поселилась исключительно потому, что обожает тишину и покой, совершенно не выносит городской сутолоки, а загрязненный выхлопными газами и промышленными выбросами воздух вреден для ее здоровья.

Незаметно протекли шесть лет. На седьмой год что-то изменилось в атмосфере уютного дома баронессы — в воздухе витали то ли смутные тени прошлого, то ли тревога перед неизвестным грядущим. Хозяйка все больше молчала, как будто ожидая чего-то. Эльза стала чаще уединяться. Она то и дело отпрашивалась на день или два, уезжала на выходные и праздники, а отведенную ей комнату закрывала на ключ.

Обнаружив однажды запертую Эльзой дверь, госпожа Гримм была неприятно удивлена. Она подергала ручку, постояла, раздумывая, что бы сие могло означать, пожалала плечами и тяжело вздохнула. Русская душа — потемки, и разгадать ее ох как непросто...

* * *

— О черт! — выругался молодой человек приятной наружности, одетый в черную майку и спортивные штаны. Отлетевшая щепка чудом не угодила ему в глаз.

Он рубил дрова позади бревенчатого дома с верандой — собирался попариться в выстроенной год назад баньке. Сауна — это заморское развлечение, а для русского человека нет ничего лучше настоящего душистого пара. Плеснешь из ведра на раскаленные камни, аж сердце мрет! А венички березовые как пахнут! А квасок из дубовой бочки!

— Баньку топить будешь, Матвей? — спросил из-за забора соседский дед Прохор. Он мерз и кутался в телогрейку, осеннее солнце не грело старых кос-

тей. — Парная от всех хворей первейшее лекарство. Не то что городская ванна! Ляжешь в ее... чисто как в гроб. Спаси, боже! У тебе спички есть?

Матвей подошел к забору, протянул деду зажималку. Тот раскурил самокрутку, задымил, шурясь от удовольствия. Едкий дым резал глаза, но дед привык, пропитался табачными смолами, точно мумия, — желтый, высохший. Нынешним летом ему исполнилось девяносто два года, и он очень этим гордился.

— Не дождалась мене бабка твоя, Анфиса Петровна, — прохрипел дед. — Первая померла. Жаниться я на ей хотел, а она — ни в какую! Ты, говорить, не жаних — пень трухлявый. Хххе-е-е... хххе-е-е-е... — сипло засмеялся он беззубым ртом.

Матвей любил подтрунивать над камышинским старожилом, но добродушно, без ехидства.

— Пара вы были бы — загляденье! — охотно поддакивал он. — Жаль, не довелось погулять на свадьбе! Невесту господь к себе призвал; остался ты, Прохор, неприкаянный без женского глаза, аки сирота.

Так, перебрасываясь шутками-прибаутками, молодой мужик рубил дрова, а старый попыхивал вонючим самосадом. Сам собой разговор перешел на баронессу Гримм, которая стала в некотором роде камышинской достопримечательностью. О чем еще было судачить двум умудренным жизнью людям? Слух о поселившейся на Озерной улице немке и ее чудачествах успел распространиться среди местных жителей. Весомую лепту в эту болтовню внес Тихон. Иногда он захаживал к одной бабенке — мастерице по изготовлению чистейшего самогону — пропустить рюмочку-другую, и во хмелю язык его развязывался до неприличия.

— А правда, что немецкая барыня свою прислугу до смерти замордовала? — выпустил кольцо дыма Прохор. — Замучила девку непосильной работой?

Народ шепчет, она ее в погребке держала, на цепи, как собаку.

— Думаю, все не так мрачно.

— Куды ж она тогда подевалась? Сбегла, что ли?

Матвея мало интересовали поселковые сплетни, он поддерживал разговор только из вежливости. Все-таки Прохор — сосед, и, когда Матвей долго отсутствовал, старик приглядывал за домом. С тех пор как умерла бабушка Анфиса, некому даже печку растопить зимой, а дом без тепла сыреет, стены покрываются плесенью... жалко. Сюда Матвей приезжал в отпуск или просто на недельку-другую отдохнуть. Камышин привлекал его тем, что лежал в стороне от железной дороги и хорошего шоссе и дачников здесь было мало. Выйдешь в лес или в поле — простор, благодать... будто и не существует на свете ни фабрик и заводов, ни супермаркетов, ни финансовых корпораций, ни запруженных транспортом проспектов, ни ночных клубов, ни казино, ни людской толчеи. Только нагретые солнцем травы, шум сосен, голоса птиц, стрекозы в прозрачном воздухе и высокое, чистое небо.

— Ты часом не оглох, парень? — возмутился дед.

— Я слушаю, слушаю...

Матвей жил в Москве, а в бабкин дом навещался, когда выдавалось свободное время. Его волновали совсем иные проблемы, чем какая-то прислуга камышинской немки. Людей хлебом не корми — дай перемыть кости ближнему.

— Немка... энту... прибиральницу извела, — гундосил Прохор. — Теперя другую ищеть.

— Во-он что! Извела, значит... А ты в щелку подсматривал, да?

Старик глубоко затянулся и надолго закашлялся. Крепкий самосад с натугой выходил из легких. Давняя привычка курить входила в «здоровый образ жизни».

ни» Прохора, но в последнее время старика мучил кашель.

— Кто ж мене туды пустить? — прослезившись, вымолвил он. — Бабка Матрена сказывала, будто Тихон по пьяни проболтался...

— После Матрениного самогона черта лысого увидишь, не то что девку на цепи. Да и сама Матрена выпить не промах! Вдвоем сочинили страшную историю, а ты уши развесил.

— Верно, — захихикал Прохор. — Может, и вреть вражья баба... только в хлебной лавке толкуют, что никто из нашенских к немке в услужение не пойдет! Боятся. Я вчерась сам слыхал...

Уже наслаждаясь в бане травяным паром и похлывая себя березовым веничком, Матвей улыбался азарту соседа — за девяносто перевалило, а старик еще живо интересуется местными сплетнями.

Напарившись, молодой человек вышел в предбанник, хлебнул кваску, растянулся на деревянной лавке и закрыл глаза. Из головы, как ни странно, не шел разговор с Прохором. Вот пустобрех! Сумел-таки заронить искорку любопытства в равнодушный ум Матвея. Если даже он не остался равнодушным к болтовне о камышинской немке и ее компаньонке, то что уж говорить об обывателях. Какие в поселке развлечения? А тут хоть душу отвести можно!

Господин Карелин был вполне обеспеченным человеком, ему хватало средств на жизнь, которую он вел: без излишеств, без стремления пустить пыль в глаза окружающим, без завистливой тоски по дорогой иномарке или загородному дворцу. Его устраивала просторная квартира на Покровке, интересная работа и увлечение, которое привил ему отец, — возня с «трудными» подростками. Матвей любил наставлять на путь истинный пацанов от двенадцати до семнадцати лет, причем делал это ненавязчиво, в виде игры:

собирал небольшую группу ребят и учил их выживать в экстремальных условиях — добывать огонь без спичек; ориентироваться на местности по солнцу и звездам; отыскивать воду и делать ее пригодной для питья; сооружать из подручных средств укрытие; спрыгивать с высоты, оставаясь невредимым; оказывать первую помощь пострадавшим; защищать себя в уличной драке... и прочим премудростям. Бывший военно-спортивный клуб «Вымпел» охотно предоставлял ему помещение для занятий за чисто символическую плату, и некоторые воспитанники клуба присоединились к группе Матвея, составив со временем надежный и отлично обученный костяк. Взрослея, парни исполняли обязанности инструкторов и помощников в длительных пеших походах, вылазках в горы или речных путешествиях на плотках и катамаранах.

По образованию Матвей, как и его отец, был не педагогом, а инженером, поэтому не применял «школьных», менторских способов воздействия на ребят, легко находя с ними общий язык.

Отправившись на заслуженный отдых, старший Карелин без сожалений расстался с Москвой и подался с супругой в Краснодарский край, где покойный тесть оставил зятю и дочери ухоженный домик, окруженный большим плодоносным садом, виноградник и лохматого пса Кудлая.

Матвей любил родителей, но, когда они уехали, не заскучал: отец сумел закалить его характер, приучил к самостоятельности в решениях и поступках. К тому же пришлось взять на себя всю организационную работу в частном конструкторском бюро «Карелин», которое теперь перешло к нему, поддерживать хорошую репутацию и не только не растерять постоянных клиентов, а и привлечь новых.

— Теперь ты сможешь жениться и привести в дом хозяйку, — сказала мать, целуя сына перед отходом

поезда. — Пора обзавестись семьей. Кто-то же должен тебе готовить, гладить рубашки!

Она ни слова не сказала о любви. Какая любовь? Люди сходятся, чтобы заботиться друг о друге: вдвоем легче выстоять в жизненных бурях.

— Конечно...

Матвей не хотел спорить — пусть едут со спокойной душой, — но поддакивал только для вида. На самом деле он не хотел связывать себя брачными узами, вряд ли найдется женщина, которая будет отвечать его требованиям. Да и насчет себя он не обольщался. Такой мужчина — не подарок.

Почему он вспомнил о родителях, лежа в предбаннике и вдыхая теплый дух хорошо прогретых бревен? Сама собой пришла другая мысль — о компаньонке камышинской немки. Сдается, он еще услышит о ней...

Глава 3

Москва

Захар Иваницын был вне себя от ярости. Его красивое лицо перекошилось, классически ровный нос покраснел, глаза метали молнии.

— И что, ты вот так ей и заявила? Я, дескать, жду ребенка от твоего будущего мужа?

— Ну, да... Захушка... ведь это же правда! — взмолилась Марина.

— Не смей меня называть этим... собачьим прозвищем! *Захушка!* — зло передразнил он. — Кто тебя тянул за твой поганый язык? Тупица безмозглая!

— Но... что же мне было делать? На аборт я больше не пойду!

— Решила рожать? Пожалуйста! Никто не запрещает! Я не отказываюсь помогать деньгами, но жени-

ться на тебе я не обещал. У меня есть невеста, и ты это прекрасно знаешь. Всегда знала! Астри — твоя подруга, да и я не скрывал своих намерений!

— Выходит, нас с тобой связывает только постель? — взвизгнула Марина. — Сексом заниматься ты бежишь ко мне, а под венец ведешь Астри? Она тебя не возбуждает, или ты так боишься Ельцова, что делаешься импотентом при одном взгляде на его дочь?!

— Замолчи... — сжав зубы, прошипел Иваницын.

— Обзаведешься законной супругой и будешь продолжать бегать ко мне?! Ну уж нет!

— Я дам тебе денег... много, — угрюмо сказал он. — Сколько попросишь.

— Думаешь, я нуждаюсь в твоих подачках? — взвилась она. — Хочешь откупиться от меня и ребенка?

— Дура! Не ори! Соседи услышат...

— Беги к ней, проси прощения, валяйся в ногах! Может быть, она и закроет глаза на твои похождения, но господин Ельцов — никогда! Он тебя в порошок сотрет. В лучшем случае окажешься на улице, в худшем...

— Ты заткнешься или нет? — Он вскочил, замахнулся на нее. Ни дать ни взять сиятельный бог Аполлон в благородном гневе. — А то я за себя не ручаюсь!

— Давай, ударь меня, — расплакалась Марина. — Отличный материал для желтой прессы! Великосветский жених избивает перед свадьбой свою беременную любовницу. Твой босс задохнется от восторга! Ну, что же ты? Бей! Я покажу Астре наставленные тобой синяки, и она...

Иваницын усилием воли сдержался, спрятал руки в карманы, чтобы не поддаваться искушению врезать ей как следует.

— Хватит ломать комедию! — уничижительным тоном произнес он. — Чего ты добиваешься? Женить меня на себе? Не получится... Зря ты все это затеяла.

Марина давилась слезами, а он смотрел на нее с

откровенным презрением, раскачиваясь с носка на пятку. Что она возомнила? Решила расстроить его свадьбу с дочерью Ельцова? Он, можно сказать, шел к этому год за годом, начиная со школьной скамьи. Тогда он действительно влюбился в Астру, по-мальчишечьи увлекся ею. Потом повзрослел, но продолжал встречаться с ней, сам не понимая, почему его тянет к этой экстравагантной, взбалмошной девахе. Потом ее отец пошел в гору, взял Захара к себе на фирму менеджером... и понеслась птица-тройка! Теперь от отношений с Астрой напрямую зависела его карьера, его благосостояние, его будущее, наконец. И он исправно играл роль пылкого влюбленного! Надо заметить, это было непросто. Астра не из тех, кто вешается парням на шею, даже таким красавчикам, как Иваницын. Сколько усилий он приложил, чтобы уговорить ее выйти за него замуж... а эта рыжая дрянь все испортила! Угораздило же его спутаться с подругой Астры!

— Ты все испортила! — выдохнул он. — Мне следовало раньше от тебя отделаться!

Марина испугалась. Она не ожидала такого возмущения, такой неприкрытой злости. Да, Зах не стеснялся при ней звонить Астре, рассыпаться в комплиментах и любезностях, открыто обсуждал грядущую свадьбу и совместную жизнь с женой. Но Марина, видя и слыша все это, словно ослепла и оглохла: она придумала тысячу и одно объяснение поведению возлюбленного. Он, дескать, вынужден притворяться — из-за работы, чтобы не разрушить теплые, почти родственные взаимоотношения с боссом, который обращался с ним как с будущим зятем. А к Астре Захар давно охладел! Ничего в ней нет особенного, кроме денег ее папика. Недаром ведь жених искал интимных встреч на стороне. Значит, о любви между ним и Астрой речь не идет. В школе они были неразлучны, но годы сделали свое дело, превратив трепет и новизну первого чувства в привычку, в повседневную рутину.

Ни для кого не секрет, что самый страшный враг любви — скука! Она излечивает глубочайшие раны, нанесенные стрелами Купидона, и тушит даже кипучую африканскую страсть. Все приедается — и любовные ласки, и пылкие признания, и букеты цветов, и подарки, и романтические вечера вдвоем. Где кислород, способный разжечь угли остывающего костра? Вероятно, существует некий секрет, известный лишь избранным, но Захар явно не входил в их число.

Он обожал разнообразие, и Марина была далеко не единственной его утехой. Грех не использовать завидную внешность, данную ему богом, когда повсюду открывается столько возможностей. Глупо отказываться от удовольствий, ведь человеческий век так короток, там мимолетен! Не успеешь оглянуться, как станешь седым, больным и немощным, а то и вовсе сыграешь в ящик. Тогда уж никакая цветущая женская красота, никакие соблазны не пробудят к жизни безнадежно утраченное *либидо*.

Женившись на Астре, господин Иваницын не собирался менять свои принципы — он позаботится, чтобы и жена была довольна, и он не оказался внакладе.

— Не в добрый час ты мне подвернулась! — с затаенной угрозой сказал он, глядя на плачущую любовницу. — Все кружила, как стервятник, выжидала минуту моей слабости... и дождалась! Надо же было так вляпаться? Пустить в свою постель подружку собственной невесты?! Лихо ты меня окрутила, медовенькая! И ребеночка сварганила... как последний аргумент в споре за жениха. Так вот же тебе! — Он скрутил дулю и, злорадно ухмыляясь, сунул под нос Марине. — На-кось, выкуси! Бес меня попутал, с беса и спрашивай.

Оглушительно хлопнув дверью, он вышел, оставив любовницу заливаться безутешными слезами. Ишь, чего надумала! Рассказала все Астре и ребенка

приплела! Стерва. Ну, ничего... Астра простит. «Я слишком хорош, чтобы женщина добровольно отказалась от такой блестящей партии, — самоуверенно подумал Иваницын. — Конечно, придется унижаться, на коленях вымаливать у будущей супруги прощение, клясться в вечной любви и даже, быть может, какое-то время вести целомудренный образ жизни. Что ж, счастливое будущее требует жертв!»

Перед ним вдруг явственно встало лицо Марины в слезах, без тонального крема и пудры — все в крупных рыжих веснушках, словно побитое ospой; ее бесцветные короткие реснички, белесые бровки, потеки туши под глазами. И как она могла привлечь его?

На улице он сел в машину, застонал от досады, в который уже раз набрал номер сначала мобильного, потом домашнего телефона Астры. Ответила ее мать.

— Астра уехала, — растерянным голосом сообщила она. — Ты же знаешь ее характер, Захар! Если ей что взбредет в голову — не остановишь. Вы поссорились?

— Нет. Я... не понимаю! Как... уехала? Куда?

Видимо, Астра пока ничего не говорила родителям. Слава богу! Он убедительно разыграл недоумение, огорчение. Будущая теща поверила, она была обеспокоена.

— Сказала, к двоюродной сестре, в Богучаны. Хочет до свадьбы пожить в уединении, подумать.

— Богучаны? Где это?

— Ой, Захарушка, понятия не имею! Эта родственница год назад объявилась, прислала нам письмо. Юрию Тимофеевичу было недосуг читать, он отдал письмо Астре; и она, кажется, ответила. В общем, я не помню.

— А адрес?

— Я не нашла.

Будущая теща, оказывается, перерыла все ящики письменного стола дочери, все тумбочки и записные

книжки. Тщетно. Астра позаботилась, чтобы ее не беспокоили понапрасну.

— Ну, хоть примерно... где находятся эти Богучаны?

— Я уже спрашивала мужа, он с трудом припомнил, что на конверте было написано: Красноярский край. Но он не уверен.

«*Красноярский край!* — мысленно присвистнул жених. — Вот это да! Невестушке явно вожжа под хвост попала, раз ее в такую даль понесло. Девушка избалована до крайности, своевольна и строптива. Твоя задача усложняется, Захар, — сказал он себе. — Астра показывает коготки. А у нее есть еще и острые зубки!»

— Найди ее, Захар! — всхлипнула Ельцова. — Я места себе не нахожу! Вернулась вчера из косметического салона, а ее и след простыл. На столе записка: «Поехала к Лене Бровкиной на именины, останусь у нее ночевать». Мы с Юрочкой поверили, легли спать... только я до утра глаз не сомкнула. Материнское сердце не обманешь! Чувствую, что-то случилось. Утром звоню Бровкиным, а они ни сном ни духом. Какие именины? Не было вашей Астры, не приезжала! У меня сразу давление подпрыгнуло, я таблеток наглоталась, давай Юрочке звонить. Он пытался Астру найти по сотовому. Куда там! Она или телефон отключила, или решила не отвечать. Потом уж к обеду сжалилась над нами, позвонила, сказала, что устала от Москвы и побудет пока в Богучанах: хочет провести какое-то время в полном одиночестве и ни с кем ни видаться, ни говорить не станет.

— Не волнуйтесь, я попробую с ней связаться, — абсолютно не представляя, как это сделать, заявил Иваницын.

Непредсказуемое поведение Астры по-настоящему взбесило его. Он был готов к тому, что она пожалуется отцу, к ее обвинениям, истерике, утомительному выяснению отношений, разрыву, который при-

дется улаживать, скандалу. Даже мог бы стерпеть несколько пощечин. Как-никак заслужил! Но что она вдруг сорвется, уедет из дома, из Москвы, не поставив его в известность, никому ничего толком не объясняя... такого взбрыка он не ожидал.

Кипя от негодования, он остановился у магазина учебной литературы, купил географический атлас и, проклиная собственную оплошность и паршивый язык Марины, который не держался за зубами, принялся искать Богучаны.

Маленький городишко или поселок на Ангаре — подумать только! Не ехать же к черту на кулички, в самом деле?

Господин Иваницын плохо разбирался в географии, еще хуже у него обстояло с длительными путешествиями по неизведанным просторам родины. Он любил комфорт — ванну, горячий душ, чистую постель, вкусную пищу, кондиционированный воздух, унитаз, наконец. Перспектива пуститься в путь на перекладных, останавливаться в грязных провинциальных гостиницах, мыться холодной водой, питаться в антисанитарных условиях, травить себя консервами и супами быстрого приготовления вызвала у него дрожь и зуд во всем теле. Бр-ррр-рр! Увольте! Он не прочь жениться на Астре, но не ценой таких лишений. Кстати, где гарантия, что она действительно отправилась в эти самые Богучаны? Вдруг невестушка придумала уловку с поездкой к двоюродной сестре исключительно с целью запутать следы? Хорош он будет, явившись за тридевять земель за беглянкой-суженой, которую там в глаза не видели! Вот уж посмеются над ним будущие родственнички, просто животы надорвут!

Звонок босса прервал напряженный ход его мыслей. Ельцов был на взводе — надо полагать, из-за выходки любимой дочери.

— Ты уже в курсе? — прорычал он в трубку так,